

Культура и идентичность

DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-97-109

Ирина Доновна ЗВЯГЕЛЬСКАЯ

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России
проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
izvyagelskaya@yandex.ru

Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке – невыносимая хрупкость бытия

АННОТАЦИЯ. На Ближнем Востоке государства традиционно сталкивались с серьезными ограничениями со стороны региональных и глобальных великих держав. Как хорошо известно, влияние транснациональных сил, фактор глобализации и разрушение государственности в результате внутренних конфликтов либо внешнего вмешательства способствуют ослаблению государственного суверенитета. Внешние силы в лице как отдельных государств, так и международных организаций на протяжении нескольких десятилетий с различным успехом оказывали влияние на международные отношения в регионе. Это влияние носило двойственный характер. Несмотря на несправедливость колониальной политики и произвольно определенные границы, раздел оттоманского наследия стал значительным шагом вперед в направлении модернизации традиционных обществ и возникновения современных государств Ближнего Востока. Последним, однако, так и не удалось преодолеть генетическую зависимость от внешних игроков. С началом деколонизации острая конкуренция сверхдержав также не способствовала формированию новой региональной системы международных отношений, поскольку и Советский Союз, и Соединенные Штаты активно стремились во-

влечь страны региона в орбиту своего влияния. Общая логика советско-американского соперничества в эпоху «холодной войны» предопределяла особую роль внешних игроков на Ближнем Востоке. По окончании «холодной войны» проблема внешнего вмешательства сохранилась, но теперь она была тесно связана с попыткой новой интерпретации концепции суверенитета. Разрушение биполярной системы повлекло за собой распространение идеи, согласно которой все угрозы миру уже были якобы ликвидированы. Вторжения в Ирак и Ливию в форме гуманитарных интервенций привели к расширению светских политических режимов в масштабе всего региона и способствовали усилению внесистемных игроков, в том числе различных террористических групп.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: суверенитет, Вестфальская система, государственность, конфликты, вмешательство, национализм, институты

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Звягельская И.Д. (2017). Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке – невыносимая хрупкость бытия. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (2). 97-109. DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-97-109

Culture and Identity

DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-97-109

Irina D. ZVYAGELSKAYA

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
izvyagelskaya@yandex.ru

Sovereignty and Statehood in the Middle East – the Unbearable Fragility of Being

ABSTRACT. *The impact of globalization, the emergence of transnational actors and the destruction of the states by internal conflicts and/or foreign interference have contributed to the weakening of their sovereignty. In the Middle East, states often face serious constraints on the part of regional and global powers. Their sovereignty is also being eroded under the pressure of numerous non-state actors. External forces (individual states and international organizations) have over the decades formed with varying degrees of success the political face of the Middle East with directly impacting on the structure of regional international relations. This influence was ambiguous. Despite the injustice of the colonial policy, and arbitrarily drawn borders, the partition of the Ottoman legacy was a step towards modernisation of traditional societies, the emergence of modern Middle Eastern States, which, however, were in genetic dependence on external players. The absence of great powers, able to form new regional system, was the result of a colonial policy and at the same time a factor in the preservation of the special role of external players in the Middle East. The problem of external intervention was closely connected with the attempt of new reading of the concept of sovereignty. This was preceded by the collapse of the bipolar system, which gave birth to the idea that all major threats to the world were eliminated. Interventions in the form of humanitarian interven-*

tion and R2P in Iraq and Libya led to the collapse of the former political system due to the lack of institutions, and contributed to the strengthening of non-system players, including terrorist groups.

KEYWORDS: *sovereignty, the Westphalian system, statehood, conflicts, interference, nationalism, institutions*

FOR CITATION: Zvyagelskaya I.D. (2017). Sovereignty and Statehood in the Middle East – the Unbearable Fragility of Being. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (2). 10 (2). 97-109. DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-97-109

*Вот как кончится мир.
Не взрыв, но всхлип.*

*Томас С. Элиот.
Полые люди. 1925*

Классика суверенитета в региональном исполнении

Суверенитет – это независимость государства во внутренней и внешней политике, закрепленная признанием со стороны международного сообщества. Вестфальские принципы, предполагающие абсолютный суверенитет государства на своей территории, были в конце XVIII столе-

тия дополнены нормой невмешательства во внутренние дела.

По мере эволюции международных отношений Вестфальская система в ее традиционном понимании стала подвергаться эрозии. Влияние глобализации, появление транснациональных акторов, ослабление государственных институтов и разрушение государств под воздействием внутренних конфликтов и/или внешнего вмешательства, все увеличивающийся разрыв между наиболее развитыми и находящимися за чертой бедности обществами приводили к тому, что суверенитет в ряде случаев становился все более относительным понятием.

Как отмечал российский политолог М.В. Ильин, «для обобщенной трактовки специфических структурных параметров отдельных разновидностей ячеек координатной сетки мировой политики удобно использовать слово «государственность». То, что мы называем государственностью, по-английски передается двумя словами: *statehood* и *stateness*. За ними стоят два разных понятия, отражающие разные стороны государственности как безусловного свойства государства-состояния или обязательного условия его существования... статусность акцентирует первичную функцию государств, а состоятельность – потенциал ее осуществления» (Ильин, Кудряшова, 2011, с. 27).

Эти понятия взаимосвязаны. Статусность может позволять развить состоятельность, и наоборот, полное отсутствие состоятельности выводит государство в разряд провальных, резко снижает его статус, превращая из государства в территорию. На практике даже в отсутствие снижения состоятельности полной независимостью во внутренней и внешней политике могут похвастаться далеко не все государства. Более слабые государственные игроки все чаще сталкиваются с серьезными ограничителями со стороны более успешных региональных сил, а также глобальных держав, что особенно ярко проявляется в конфликтных зонах, в частности на Ближнем Востоке.

На Ближнем Востоке внешним силам традиционно была отведена особая роль. Именно внешние силы, в частности в контексте соглашения Сайкс-Пико 1916 (Reich, 1996, p. 504–505), обозначили границы новых государств и сферы внешнего влияния (Сирия, Ливан). Великобритания при проведении военных действий пыталась получить поддержку со стороны арабов, чтобы направить их на борьбу с турками. Продолжавшаяся почти год переписка, которую вел Генри Мак-Магон – верховный комиссар в Египте, с правителем Мекки шерифом Хусейном аль-Хашимом, преследовала именно эти цели. Хусейн требовал от Великобритании создать независимое арабское государство, которое бы располагалось в границах Месопотамии, Аравии и Леванта. Кроме того, его политическим требованием также было создать зону ответственности Великобритании, куда входила и Палестина (Schneer, 2010, p. 54).

«Мак-Магон писал, что Британия признает и поддержит независимость предлагаемой арабской федерации в границах, ранее определенных шерифом Хусейном... Она будет защищать мусульманские святыне места от внешней агрессии. Она будет советовать арабам и помогать им в формировании подходящей формы управления в различных государствах, которые составят федерацию. В ответ арабы должны искать совета и поддержки только у Британии и согласиться с особыми мерами административного контроля, которые будет применять Британия в вилайетах Багдада и Басры» (Schneer, 2010, p. 65).

Почти одновременно Британия вела переговоры с руководством сионистского движения о создании еврейского очага в Палестине, что было закреплено в Декларации Бальфура от 2 ноября 1917 г.

В качестве компенсации за невыполненные обещания шерифу Мекки Хусейну Великобритания постаралась устроить будущее его сыновей, сражавшихся на ее стороне в годы Первой мировой войны. В 1921 г. в рамках британского мандата

на Палестину на карте появилась Транс-Иордания, которую получил в свое управление эмир Абдалла, а иракский трон достался его брату эмиру Фейсалу.

Принятая 29 ноября 1947 г. резолюция ГА ООН 181/II обозначила прекращение британского мандата на Палестину, ее раздел на два государства и объявление их независимости¹. 14 мая 1948 г. было провозглашено Государство Израиль, а арабское государство так и не было создано.

Таким образом, внешние силы (отдельные государства и международные организации) на протяжении десятков лет с переменным успехом формировали политическое лицо Ближнего Востока и непосредственно воздействовали на структуру региональных международных отношений. Это воздействие было неоднозначным. Несмотря на несправедливость колониальной политики, высокий уровень зависимости местных режимов и произвольно прочерченные границы, раздел османского наследия все же стал шагом на пути модернизации традиционных обществ, появления современных ближневосточных государств, которые, однако, оказались в генетической зависимости от внешних игроков.

По мнению американского аналитика Яна Ластика, эта зависимость направила политическое развитие Ближнего Востока в русло, противоположное процессам, шедшим в западном мире, где в результате кровопролитных войн выросли великие державы, оказавшиеся способными объединять вокруг себя другие региональные силы. На Ближнем Востоке «последствием вмешательства великих держав и навязывания ими международных норм было предотвращение использования потенциальными региональными гегемонами их относительных возможностей по захвату или принуждению их соседей к интеграции. Если согласиться с утверждени-

ем, что политическое насилие в широких масштабах приводило на этапе становления великих держав к концентрации значительного населения и территории в рамках единого административного образования и единого рынка, то можно полагать, что международные нормы и политика великих держав были ответственны за предотвращение появления на Ближнем Востоке великих держав за счет сдерживания или недопущения доведения до победного конца государствообразующих войн через ближневосточные границы» (Lustick, 1997, p. 661–662).

С таким выводом можно, наверное, согласиться не полностью. Великодержавность становится результатом не только победоносного захвата более слабых соседей и мощного экономического развития, сопровождающегося укреплением военной мощи, но и признания «великодержавного» статуса со стороны других региональных сил. Так, убедительные военные завоевания Израиля в 1967 г. не сделали и не могли сделать его великой державой региона, поскольку в этом статусе ему категорически отказывали все арабские и неарабские государства Ближнего Востока.

Отсутствие великих держав в регионе (Иран, Турция, Саудовская Аравия и Израиль с определенными ограничениями ныне выполняют функции гегемонов), способных устанавливать собственный порядок, выстраивая под него более слабых соседей, компенсировалось в эпоху «холодной войны» включенностью Ближнего Востока в глобальное противостояние. Возможность опереться на мощного партнера имела своим результатом восприятие суверенитета некоторыми ближневосточными игроками как полной свободы действий внутри страны и во внешнем мире. Так, проводя жесткий курс внутри страны и подготавливая вторжение в Кувейт в 1990 г., иракский лидер Саддам

¹ Документы Генеральной Ассамблеи ООН. URL: Режим доступа: <http://www.un.org/russian/peace/palestine/docs/ares181.pdf>. (Дата обращения: 18.03.2017)

Хусейн был уверен в поддержке СССР в ООН исходя из привычной для биполярной эпохи «игры с нулевой суммой». Вероятно, глава Ирака ожидал, что СССР не будет требовать немедленно вывести войска из Кувейта. Более того, Хусейн не исключал заинтересованности США в сохранении его режима и был уверен, что Штаты не пойдут на военную операцию.

Е. М. Примаков так вспоминал о своих встречах с иракским лидером: «Я виделся с Саддамом Хусейном трижды во время кувейтского кризиса, и каждый раз возникала мысль, что он верит: все уладится. Сначала он прямо говорил, что жесткая американская реакция – это не больше чем блеф, так как США не захотят в сложившейся ситуации использовать свои вооруженные силы. Потом, когда уже начались бомбардировки, Саддам верил, что этим дело ограничится, так как США “не пойдут на наземную операцию”» (Примаков, 2012, с. 324). Агрессия Ирака была негативно воспринята ведущими государствами. К тому времени был запущен механизм перестройки в СССР, началось сближение между Вашингтоном и Москвой, что обусловило голосование за Резолюцию СБ ООН №678 об использовании военной силы, но не означало отсутствия разногласий между СССР и США.

Глобальные державы не только практиковали сдерживание непомерных амбиций местных правителей, но и использовали непосредственное военное вмешательство, которое еще больше снижает значимость суверенитета.

Гуманитарная интервенция и ответственность за защиту

В ходе межгосударственных военных действий защита населения обеспечивается нормами международного права. Если произошел внутренний конфликт в пределах одной страны, то понятие суверенитета в этом случае выступает своеобразным ограничителем для реализации этих

норм и предполагает создание новых. Государство как институт, обеспечивающий безопасность своих граждан, обладает всеми необходимыми для этого инструментами. Однако в действительности оно может само угрожать безопасности своего населения.

Б. Бузан, видный английский ученый, занимавшийся проблемами безопасности, упоминал эту двойственную роль государства в области безопасности. Согласно Бузану, индивидуальная и национальная безопасность тесно связаны, поскольку государство – это и социальная угроза для индивида, и в то же время обеспечивающий безопасность механизм, так как к этому его побуждают собственные граждане (Buzan, 1983, p. 20).

Есть ситуации, когда государство жертвует интересами индивидов и некоторых групп для реализации интересов других групп или же социального большинства. Также есть угроза со стороны государства, которая включает в себя борьбу за контроль над властными институтами, из-за чего политическое насилие в некоторых странах становится практически постоянным. В случае, если государство не способно или не желает предотвратить катастрофу, то принцип защиты населения становится ключевым, приходя на смену принципу невмешательства.

Есть соблазн применять простые и быстрые решения вместо долгого и не всегда плодотворного поиска политических развязок. Однако развитие ситуации, которая влечет за собой жертвы и угрозу эскалации насилия, требует немедленной реакции, чтобы избежать дальнейшего обострения. Иногда без вмешательства извне обойтись нельзя.

Проблема внешнего вмешательства тесно связана с попыткой нового прочтения понятия суверенитета. В 1990-х годах после распада биполярной системы сформировалось представление о том, что основные угрозы миру ликвидированы и, следовательно, можно начать разбираться с угрозами не столь опасными, но от это-

го не менее важными. Все громче стали звучать призывы отказаться от суверенитета «медвежьих углов», который не способствует развитию находящихся на периферии государств и обществ, фактически предоставляя местным правителям легитимное право делать на своей территории все, что им заблагорассудится. Впрочем, надо отметить, что такой либеральный подход с самого начала был избирательным. На Ближнем Востоке под него никогда не попадали монархические режимы Персидского залива с их весьма специфическими представлениями о правах человека.

Идеалистическое время «конца истории» породило искушение привести мир в соответствие с базовыми европейскими ценностями, порожденными еще Великой Французской революцией. В таком контексте принципы суверенитета стали выглядеть как пережиток прошлого. По мнению Генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса-Гали, «время абсолютного и исключительного суверенитета прошло; его теоретическая концепция никогда не подтверждалась реальной жизнью. Задача руководителей государств сегодня состоит в том, чтобы понять это и обеспечить равновесие между потребностями хорошего внутреннего управления и требованиями все более взаимозависимого мира» (Boutros-Ghali, 1995, p. 44).

Гуманитарная интервенция и ответственность за защиту предполагают введение войск в государство, применяющее насилие в ходе внутренних конфликтов, подавления повстанческих движений и т.п. В основе гуманитарной интервенции лежит идея защиты мирного населения. В отличие от миротворческих операций гуманитарному вмешательству для введения войск не нужно согласия сторон, которые вовлечены в конфликт. В начале 1990-х гг. Совет Безопасности одобрил ряд подобных операций в Ираке, Руанде, Сомали, Гаити и Боснии. Во всех этих случаях речь шла о нарушении прав человека и необходимо-

сти оказать гуманитарную помощь населению, привлекая к этому вооруженный контингент. Гуманитарная интервенция всегда осуществлялась в зоне конфликтов низкой интенсивности, и ее задачи формально не выходили за рамки мониторинга, миротворчества или навязывания мира. «...Цель вмешательства не разгромить армию противника, но установить и укрепить власть закона против потенциальных спойлеров. Аналогия с навязыванием местного законодательства может быть приемлемой, если мы воспринимаем гуманитарную интервенцию не как разрешенную войну для того, чтобы остановить исключительно массовое нарушение прав человека в гобсовской по своему смыслу международной системе, но как необходимое применение ответственности за защиту, чтобы восстановить международное право. Конечно, такая аналогия далека от идеальной. Интервенты часто вынуждены иметь дело с ситуациями, когда от законодательства уже ничего не осталось и им приходится полагаться на разрушительную силу, чтобы достичь гуманитарных целей» (Pattison, 2009, p. 375).

Несмотря на имеющийся опыт, гуманитарная интервенция – до сих пор весьма неоднозначный инструмент мировой политики, так как до настоящего времени не существует общих представлений о том, каким образом нарушение прав человека оправдывает военное вмешательство. Существует понимание, что СБ ООН является органом, способным дать мандат на вмешательство, но если консенсус не будет достигнут, то ООН перестает контролировать ситуацию.

Достаточно вспомнить военное вторжение США в Ирак в 2003 г., лишенное убедительной мотивировки. 28 января 2003 г. в ежегодном послании президент Буш-младший обвинил Хусейна в нежелании разоружаться и в связях с «Аль-Каидой». Буш заявил: «Мы будем консультироваться. Но пусть станет ясно: если Саддам Хусейн полностью не разоружит-

ся, то во имя безопасности нашего народа и мира во всем мире мы возглавим коалицию, чтобы разоружить его»². США, встретив противодействие со стороны России, Франции, Германии и Китая, решили не обсуждать вопрос войны в Ираке в СБ ООН, и 19 марта 2003 г. Президентом США было объявлено о начале военных действий в Ираке. Главной целью стало свержение Садда Хусейна, которое не привело, несмотря на усилия США, к стабилизации ситуации в стране и к созданию там сильных и жизнеспособных институтов. Более того, косвенным результатом разрушения привычной вертикали власти стало формирование ИГИЛ с участием маргинализованных в ходе постссаддамовских реформ суннитских офицеров и управленцев.

Если военная операция в Ираке была совершена в обход СБ ООН и ответственность за связанные с нею эксцессы можно было переложить на исполнителей, то выданный Советом Безопасности мандат также не всегда является достаточной гарантией того, что вмешательство не выйдет за его рамки. Примером стала операция НАТО в Ливии в 2011 г. Считалось, что она была осуществлена в рамках «ответственности за защиту» (R2P), но на деле имела очень мало общего с данной концепцией.

R2P (*“Responsibility to Protect”*) – международное обязательство, принятое в 2005 г. членами ООН на Международном саммите по предотвращению геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности³. R2P основывается на понимании, что суверенитет предполагает ответственность за защиту населения от массовых преступле-

ний и зверств. Соответственно, если эти нормы игнорируются, то суверенитет государства и легитимность правителей теряют свою силу.

Применение силы в Ливии в рамках «ответственности за защиту» вышло далеко за пределы поставленных задач. Напомним, что первые выступления против ливийского правительства начались 13–15 февраля 2011 г. на востоке страны, в городах Бенгази и аль-Бейда. А уже меньше чем через неделю стартовала военная операция, где применялись авиация и танки, чтобы подавить народные протесты (Егорин, 2012, с. 27).

События развивались стремительно. 26 февраля 2011 г. в СБ ООН была принята резолюция №1970. Она ввела санкции по запрету на выезд из страны Муамара Каддафи и его правительства, а также ввела эмбарго на поставки вооружений и военной техники. Кроме того, Международному уголовному суду было поручено расследовать обстоятельства гибели гражданского населения⁴. 12 марта на внеочередной сессии Совета ЛАГ была принята резолюция, где СБ ООН призвали закрыть воздушное пространство Ливии для военной авиации Каддафи. Через 5 дней в СБ ООН его члены приняли резолюцию №1973 по Ливии, которая устанавливала над страной режим бесполетной зоны⁵. При этом Россия, Германия, Бразилия, Индия и Китай при голосовании воздержались.

Выполнение резолюции №1973 было продиктовано стремлением пресечь попытки режима «выбомбить» силы оппозиции, однако на деле превратилось в охоту на главу Ливии и членов его семьи. Авиация сил НАТО сбросила около 9300 ракет

2 State of the Union Address. 28 January 2003. URL: <http://millercenter.org/scripps/archive/speeches/detail/4541> (Accessed: 18.04.2017)

3 About the Responsibility to Protect. URL: www.globalr2p.org. Retrieved 2016-03-21 (Accessed: 18.04.2017)

4 См.: Текущие санкции – Комитет Совета Безопасности ООН, учрежденный Резолюцией 1970 (2011) по Ливии. URL: <https://www.un.org/sc/suborg/ru/sanctions/1970> (Accessed: 18.04.2017)

5 Resolution 1973 (2011). URL: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2011_03/20110927_110311-UNSCR-1973.pdf (Accessed: 18.04.2017)

и бомб на ливийскую территорию с марта по сентябрь 2011 г.⁶

Операция по установлению бесполетной зоны над Ливией по факту превратилась в войну сил НАТО, которые выступали на стороне оппозиции и были нацелены на свержение или физическое устранение Каддафи. Авиация НАТО разбомбила колонну, в которой был Каддафи, пытавшийся убежать в Нигер. Его обнаружили повстанцы и растерзали (Lync, 2012, p. 176). Как полагают многие эксперты, «факты свидетельствуют, что основной целью было отстранение Каддафи от власти и что восстание в рамках «арабской весны» в Ливии создало необходимые условия для применения R2P, чтобы оправдать военное вторжение» (Lubura-Winchester, Jones, 2013, p. 263).

Особенности современной ситуации состоят в том, что суверенитет и легитимность больше не являются препятствиями для ввода иностранных войск и коалиций. Для этого больше не требуется ни приглашения правительства, ни мандата СБ ООН. На Ближнем Востоке в этом плане суверенитет практически исчезает. Более того, «гибридность» происходящих войн и столкновений превращает вопросы о законности вмешательства и достаточности оснований для него во все более схоластические.

Ослабление суверенитета в современном мире неизбежно, но важно определить грань, за которой может начаться массовый распад государственности в проблемных регионах, включая и Ближний Восток.

Специфика формирования государств на Ближнем Востоке

Формирование режимов и их политическое поведение испытывает серьезное воздействие внешней среды. Влияние системы международных отношений напрямую сказывается на государственном

строительстве, на формах его существования и на специфике институтов, конкурируя в этом смысле с внутренними факторами – особенностями местной культуры, истории, традиции. Универсионализм, предполагающий, что существуют некие модели институтов и эффективного управления, применимые как к западным государствам, так и к государствам самобытной восточной периферии, не может не приходиться в противоречие с культурными парадигмами местных обществ.

Появление суверенных государств на Ближнем Востоке, нового, никогда до этого не существовавшего «лоскутного одеяла» с самого начала имело, по Г. Киссинджеру, глубокое внутреннее противоречие, связанное с культурно-цивилизационными особенностями региона. После того как в 1924 г. светские националисты Турецкой Республики «отменили основной институт панисламского единства, халифат... мусульманский мир оказался «подвешенным» между победоносным Вестфальским международным порядком и отныне превратившейся в неосуществимую мечту концепцией Дар аль-Ислам» (Киссинджер, 2016, с. 151).

Такого рода органичный для мусульман Ближнего Востока дуализм до сих пор определяет особенности противостояния в арабском мире: борьбу представителей политического ислама, видевших веру как главный фактор идентичности и навязывавших свое видение с разной степенью насилия, и протагонистов условно светской концепции, объединяющей арабский мир на основе прежде всего этничности. В рамках этого противостояния нашлось место не только вполне уважаемому движению, но и джихадистам и организациям типа ДАИШ, вновь выдвинувшим идею халифата как альтернативу провалному и несправедливому правлению в суверенных рамках отдельных арабских государств.

6 См.: Московские новости. 20.10.2011.

Многие авторы, писавшие об «арабской весне», обращали внимание на то, что ее предпосылкой и одновременно результатом стал кризис национальных государств на Ближнем Востоке. Кризис государственности на арабском Востоке, а также и в некоторых других регионах не вызывает сомнения. Вопрос заключается в том, насколько оправдано говорить о полноценных национальных государствах на Востоке. Следует отметить, что идея национального государства с трудом была воспринята в регионе. «Национальное государство (т.е. государство Вестфальской системы) сформировалось только в начале XX века. Более того, «освоение политической рамки» национального государства происходило в регионе медленно... Во второй половине XX века основные структурные единицы региона превратились в национальные государства» (Лебедева, Маркетти, 2016, с.15–16).

Национальные государства – это те страны, где независимость переплетается с идеей культуры. Этничность политизируется и порождает национализм тогда, когда этническая общность, существующая в определенных границах, не только начинает считать себя особой по отношению к другим культурным общностям, но и полагает, что этнические границы должны совпадать с политическими, а национальность правящей элиты – с национальностью подданных. Национализм порождает индустриальное общество, так как он никогда не возникает на более ранних этапах развития человечества. Как писал известный английский ученый Э. Геллнер, «обычная группа людей (скажем, жители определенной территории или носители определенного языка) становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого объединения и превращает их в нацию, а не другие общие качества – какими бы они ни были, – которые отде-

ляют эту группу от всех стоящих вне ее» (Геллнер, 1991, с. 59).

Арабский национализм, делавший акцент на культурную общность арабов, проигрывал в главном – в признании общих прав, обязанностей и ценностей. Даже успешное создание отдельных государств находилось под влиянием аграрного уклада, этноконфессиональной и племенной лояльности и не подчинялось западной модели создания главенствующей гражданской идентичности.

Исключением в регионе было государственное строительство в Израиле, которое проходило по западным образцам и под воздействием сионизма, зародившегося в контексте западного националистического дискурса. Однако доминирующий в Израиле этнонационализм резко осложнил процесс формирования единой гражданской идентичности для проживающих в государстве групп и общин.

Современные ближневосточные государства строились в контексте борьбы против колониализма и в рамках национально-освободительных движений. Национализм этих государств складывался на основе антизападничества и отрицания западных моделей.

Традиционные идентичности оказались очень устойчивыми, и в условиях слабых государственных институтов самоорганизация по этническим, конфессиональным, региональным, племенным признакам компенсировала неспособность государства обеспечить понимаемую в широком смысле безопасность общества. Она подменялась безопасностью режима в прямом и узком смысле этого слова. В Сирии существовало более 15 спецслужб, которые при этом конкурировали друг с другом. Они были очень нужны режиму, но для общества их многочисленность являлась абсолютно бесполезной. Скорее, наоборот, они создавали атмосферу страха и всеобщего доносительства.

Модернизация сталкивалась с серьезным внутренним сопротивлением: социальные слои, оставшиеся в индустриаль-

ном или даже аграрном мире, отталкивали современность, предполагавшую большую атомизацию общества, и усиливали опору на традиционные группы солидарности, способные в условиях турбулентности обеспечить взаимопомощь и поддержку.

Государства с ослабленной суверенностью

К ним принято относить государства, утратившие контроль над своей территорией, не обеспечивающие безопасность собственных граждан в широком смысле этого слова, позволяющие различного рода негосударственным акторам (в том числе и террористам) перехватывать у него все основные функции, максимально зависящие от внешних сил. При этом модные тезисы об обреченности суверенного государства, о подъеме регион-экономики и о том, что экспансия мировой экономики делает нацию-государство излишней (Ильин, Кудряшова, 2011, с.7–8), вряд ли подходят к Ближнему Востоку.

На Ближнем Востоке границы могут быть достаточно условными не по причине появления регион-государств (такая перспектива в принципе не просматривается), но в силу географических и естественных причин: обширные пустынные территории невозможно обнести границами. Они не являются препятствием для племен, кочующих из одного государства в другое. Прозрачность рубежей позволяет и террористическим организациям ради сохранения боевого состава оставлять прежние позиции, растворяться в пустынных зонах и перекочевывать в другие государства. Примером может служить удивительная подвижность ДАИШ (Исламское государство), которое, сложившись в Ираке, затем переместилось в Сирию, где обрело сильные позиции и захватило обширные территории. Параллельно оно укрепилось в Ливии, его отряды появились в Афганистане. Даже принимая во

внимание тот факт, что ДАИШ является франшизой и легко объявляет своими организациями, которые имели собственную историю становления и никогда ранее не были связаны с Исламским государством, тем не менее прозрачность границ слабых государств на Ближнем и Среднем Востоке остается важным элементом, поддерживающим недостаточную или неполную суверенность государственных образований.

Для современных вестфальских государств суверенитет – это монополия на применение средств насилия. Однако военный потенциал вестфальских государств направлен на внешних врагов, а не на собственное население. На деле на Ближнем Востоке наблюдается использование армии для осуществления госпереворотов, а в отдельных случаях и против собственных граждан (использование режимом химического оружия против курдов в Ираке).

Недостаточность или слабость государств связывается и с их социально-экономическим развитием. Так, в соответствии с проведенными исследованиями, во всех развивающихся государствах Ближнего Востока и Северной Африки (MENA Countries) процент недовольных своим положением людей был очень высок и существенно увеличился в 2007–2010 гг. Ухудшение было особенно заметно в государствах «арабской весны», прежде всего Египте и Сирии, где почти половина населения высказывала недовольство своей жизнью. Причем важное значение имеет не только реальное состояние экономики и уровень бедности, но и субъективное восприятие населением своего положения. Например, накануне «арабской весны» Египет и Йемен столкнулись с увеличивающимся уровнем бедности, с которым совпал и рост неудовлетворенности населения. В то же время в Сирии и Тунисе снижение уровня бедности было зарегистрировано на фоне роста неудовлетворенности людей своим положением (Dang Hai-Anh, Ianchovichina, 2016, p. 15–16).

Можно полагать, что неудовлетворенность вызывается также политикой правительства, коррупцией, огромным разрывом в доходах. Даже в отсутствие реального падения уровня жизни население может воспринимать свое униженное, лишенное перспектив положение как результат вопиющей социальной несправедливости.

Накапливающиеся социально-экономические проблемы связаны на Ближнем Востоке и с фундаментальными причинами: ограниченностью водных ресурсов, пустынями, занимающими 80% территории, климатом, быстрым приростом населения, неразвитостью человеческого капитала, неравномерным распределением ресурсов.

Внутренняя слабость арабских стран стала главной причиной появления многочисленных негосударственных акторов. Прежде всего, это касается государств, находящихся в состоянии конфликта: Ирак, Сирия, Йемен, Ливия. Различного рода ополчения, частные армии, полевые командиров, племенные группировки не только «крадут» у государства легитимное право на использование насилия, но и пытаются заполнить бреши «недостаточного государства».

«Ополчения представляют угрозу, если они заполняют функциональное пространство, оставленное государством, тем самым еще больше бросая вызов его легитимности. Это может привести к конфликту, так как ополчения не поддерживают государственные институты, потому что их лояльность направлена на собственную группировку. Кроме того, вооруженные группировки, в Ираке например, имеют связи по всему региону, особенно с Ираном, они в основе являются субнациональными организациями, которые сформировались для того, чтобы защищать определенные группы. Однако они используют насилие не только для обороны или защиты, но также в наступательном плане против соперников и конфессиональных врагов» (O'Driscoll, van Zoonen, 2017, p.14).

До начала конфликтов Ирак, Сирия, Ливия, Йемен не выступали как провальные государства при несомненной слабости современных институтов и даже их отсутствии. Однако их более или менее успешное функционирование обеспечивалось наличием сильных авторитарных или тоталитарных лидеров. Соответственно, ослабление лидерства имело своим результатом и слабость государств, которые сами становятся постоянным источником дополнительной нестабильности. В недостаточных государствах наиболее заметно проявляется приватизация многих государственных функций различными по своей природе и статусу силами.

Ближний Восток разрывают полчища негосударственных акторов. Среди них, во-первых, джихадистские группы типа «Аль-Каиды», «ан-Нусры». Во-вторых, суннитские ополчения, действующие в рамках государственных границ Сирии, Ливии, Ирака и не разделяющие транснациональную идеологию джихадистов. В-третьих, полувоенные формирования, пытающиеся одновременно быть частью политической системы и сохранять свою военную автономию, рассматривая силовой элемент как главную гарантию своего политического участия. Так, «Хизбалла», являющаяся политической партией, давно вышла за границы Ливана, активно участвует в военных действиях в Сирии на стороне режима, добилась взаимного сдерживания с Израилем и может самостоятельно принимать решения о войне и мире.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что государства не становятся провальными или неудавшимися в одночасье, равно как не исчезает и не становится irrelevantным их суверенитет.

На Ближнем Востоке ослаблению государственности способствовали многие объективные и долгосрочные факторы. Традиционно всегда имелась зависимость от внешних игроков, которая до из-

вестной степени ограничивала собственные возможности местных сил, хотя и поддерживала их на плаву. Если она и не вела к десоверенизации, но все же делала процесс принятия решений более зависимым от позиции глобального партнера. Слабые государства со слабыми институтами способствовали укреплению негосударственных акторов, которые в борьбе за приватизацию важнейших функций государства вносили вклад в его дальнейшее разрушение.

И все же кризисные явления на Арабском Востоке не означают его обреченности. Они лишь обозначили долгосрочный тренд с неясными результатами, который требует от ведущих мировых держав соответствующего реагирования, более скоординированной, продуманной и креативной политики, не являющейся производной от их собственных противоречий и фобий.

Список литературы

Геллнер Э. (1991). *Нации и национализм*. Москва: Прогресс. 602

Егорин А.З. (2012). *Свержение Муамара Каддафи. Ливийский дневник*. 2011–2012 гг. Москва: ИВ РАН. 431.

Ильин М.В., Кудряшова И.В. (ред.). (2011). *Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности*. Москва: МГИМО-Университет. 248.

Киссинджер Г. (2016). *Мировой порядок*. Москва: Издательство АСТ. 512.

Лебедева М., Маркетти Р. (2016). *Нестабильность на Ближнем Востоке и упадок Вестфальской системы*. Москва: Валдайский клуб. 17. URL: <http://valdaiclub.com/files/11790/> (Дата обращения: 17.04.2017)

Примаков Е. (2012). Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. 2-е изд. Москва: ИИК Российская газета. 414.

Boutros-Ghali B. (1995) *Agenda for Peace*. 2nd ed. New-York: United Nations Pubns. 159.

Buzan B. (1983). *People, States and Fear. The National Security Problem in Inter-*

national Relations. Brighton: Wheatsheaf Books Ltd. 262.

Dang Hai-Anh H., Ianchovichina E. (2016) *Welfare Dynamics with Synthetic Panels: The Case of the Arab World in Transition*. *World Bank Group, Policy Research Working paper*, (7595). 52. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/785401468000267287/pdf/WPS7595.pdf> (Accessed: 18.04.2017)

Lubura-Winchester B., Jones R. (2013). *The Geopolitics of Humanitarian Intervention: The Responsibility to Protect in Libya*. *The Arab World Geographer / Le Geographe du monde arabe*, 16 (3). 245–266.

Lustik I. (1997). The Absence of Middle Eastern Great Powers: Political “Backwardness” in Historical Perspective. *International Organization*, 51 (4). 653–683.

Lynch M. (2012). *The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions in the New Middle East*. New York: Public Affairs. 293.

O’Driscoll D., van Zoonen D. (2017). *The Hashd al-Shaabi and Iraq Subnationalism and the State*. 51. URL: <http://www.meri-k.org/wp-content/uploads/2017/03/PMF-Report-0.2.pdf> (Accessed: 18.04.2017).

Pattison J. (2009). Humanitarian Intervention, the Responsibility to Protect and *ius in bello*. *Global Responsibility to Protect*, (1). 364–391.

Reich B. (ed.). (1996). *An Historical Encyclopedia of the Arab-Israeli Conflict*. Westport Connecticut: Greenwood Press. 672.

Schneer J. (2010). *The Balfour Declaration. The Origins of the Arab-Israeli Conflict*. New York: Random House. 432.

References

Buzan B. (1983). *People, States and Fear. The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books Ltd. 262.

Boutros-Ghali B. (1995) *Agenda for Peace*. 2nd ed. New-York: United Nations Pubns. 159.

Dang Hai-Anh H., Ianchovichina E. (2016). *Welfare Dynamics with Synthet-*

ic Panels: The Case of the Arab World in Transition. *World Bank Group, Policy Research Working paper*, (7595). 52. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/785401468000267287/pdf/WPS7595.pdf> (Accessed: 18.04.2017)

Egorin A. Z. (2012). *The Overthrow of Muammar Gaddafi. The Libyan Diary of 2011–2012*. Moskva: IV RAN. 431.

Gellner E. (1991). *Nations and Nationalism*. Moskva: Progress. 602.

Il'in M.V., Kudryashova I.V. (eds.). (2011). *The Asymmetry of World System of Sovereignty: zones of problematic statehood*. Moskva: MGIMO-Universitet. 248.

Kissinger H. (2016). *World Order*. Moskva: Izdatel'stvo AST. 512.

Lebedeva M., Marketti R. (2016). *Instability at the Middle East and the Decline of the Westphalian System*. Moskva: Valdaiskii klub.17. URL: <http://valdaiclub.com/files/11790/> (Accessed: 17.04.2017)

Lubura-Winchester B, Jones R. (2013). The Geopolitics of Humanitarian Intervention: The Responsibility to Protect in Libya. *The Arab World Geographer / Le Geographe du monde arabe*, 16 (3). 245–266.

Lustik I. (1997). The Absence of Middle Eastern Great Powers: Political “Backwardness” in Historical Perspective. *International Organization*, 51 (4). 653–683.

Lynch M. (2012). *The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions in the New Middle East*. New York: Public Affairs. 293.

O'Driscoll D., van Zoonen D. (2017). *The Hashd al-Shaabi and Iraq Subnationalism and the State*. 51. URL: <http://www.meri-k.org/wp-content/uploads/2017/03/PMF-Report-0.2.pdf> (Accessed: 18.04.2017).

Pattison J. (2009). Humanitarian Intervention, the Responsibility to Protect and *jus in bello*. *Global Responsibility to Protect*, 1. 364–391.

Primakov E. (2012). Konfidentsial'no: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami. *Confidentially: the Middle East on stage and behind the scenes*. 2nd ed. Moskva: IIK Rossiiskaya gazeta.414.

Reich B. (ed.). (1996). *An Historical Encyclopedia of the Arab-Israeli Conflict*. Westport Connecticut: Greenwood Press.672.

Schneer J. (2010). *The Balfour Declaration. The Origins of the Arab-Israeli Conflict*. New York: Random House. 432.

Информация об авторе

Ирина Доновна Звягельская, доктор исторических наук, профессор, кафедра востоковедения, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
zvyagelskaya@yandex.ru

About the Author

Irina D. Zvyagelskaya, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
zvyagelskaya@yandex.ru